

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskyaalexander.ru/> Приятного чтения!

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ЛИЦА:

Иоасаф Наумыч Корпелов, лысый, преждевременно состарившийся и сгорбившийся, но всегда улыбающийся человек. Одет в черное длинное сак-пальто, застегнутое сверху донизу. Тон, движения, манеры педантские, с примесью шутовства. По занятию – учитель, промышляющий дешевыми частными уроками.

Наталья Петровна Сизакова, сирота, красивая девушка, лет 25, племянница Корпелова по матери.

Евгения Львовна, бедная девушка, дальняя родня Наташи, одних с ней лет.

Павел Сергеич Грунцов, молодой человек, кончивший курс в университете, ищущий места; недурен собой, с бородкой; одет прилично; короткий пиджак, красивые, хорошо вычищенные сапоги по колена, фуражка всегда немного на затылке, в руках толстая палка. Шагает широко, в жестах развязен.

Иван Федулыч Чепурин, лавочник, хозяин дома, в котором живет Корпелов. Молодой человек, косоват, рябой; рыжеватая неподстриженная борода клином. Одет щеголевато в серенькую одноцветную пару. Держит себя скромно и сосредоточенно. Взгляд, речь и движения энергичны.

Маланья, кухарка, лет за 50, одета по-русски. (Корпелов зовет ее Аглаей.)

Бедная комната, соседняя с кухней. С правой стороны (от зрителей) окно, под окном небольшой письменный стол, на нем разбросаны книги; перед столом стул; далее, в углу, горка с книгами. С левой стороны шкафчик с посудой; за ним, в углу, дверь в комнату Наташи. В глубине узкая дверь в кухню; направо от двери тонкая перегородка, у которой, между дверью и горкой, мягкий ситцевый диван, служащий постелью Корпелову; над диваном на стене висит гитара; налево от двери до угла бок выбеленной русской печи; у печи деревянная скамейка; на ней железное ведро, самовар и медный подсвечник. Посредине комнаты обеденный стол и несколько стульев.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Корпелов (один).

Корпелов (входит усталый, снимает измятую широкополую шляпу и садится у письменного стола. Со вздохом). Вотще! (Помолчав.) Напрасно, так сказать, все! и без денег, и тощ вспять возвратится. Но мудрый унывать не должен, – мудрый всегда найдет себе усладу в горести. Обращусь к животельной влаге!... (Подходит к шкафу и отворяет его.) Сей источник радостей... (осматривая графин) иссяк. (Громко.) Аглая, Аглая!

Входит Маланья.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Корпелов, Маланья.

Корпелов (показывая графин). Воззри!

Маланья. Чего тут зреть-то!

Корпелов. Пусто.

Маланья. Да чему ж и быть-то, коли выпито.

Корпелов. Сам Сократ глаголет твоими устами. Выпито! Вижу, что выпито; но кем?

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Маланья. Да кому ж, окромя что сам. Умереть на месте! Пошлешь на пяточок, да хочешь, чтобы неделю велось, что ли? Кабы ты мог рассудить правильно, так тут и на один-то раз чего! Да мое бабье дело, да я...

Корпелов. Довольно!

Маланья. Стало быть, от тебя только одна обида, больше ничего не будет?

Корпелов. Аглая, довольно!

Маланья. Что ж напрасно-то! Вот лопни утроба...

Корпелов. Аглая, Аглая!

Маланья. Боже мой!

Корпелов (громко и затыкая уши). Satis![1]

Маланья. Только что беспокойство. Тоже хозяева! Чтоб вас... (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Корпелов (один).

Корпелов (ставит графин в шкаф). Сего утешения лишен. Разве возбрыцать на сей бандуре! (Указывая на гитару.) Но персты мои и сладкий глас мой исполнены дрожания от многого хожденья. Остается усладительница душ, поэзия. Приди и утоли скорбный дух мой! (Берет со стола книгу и читает про себя несколько времени.) «Бегут быстротечные годы!» – говорит Гораций. Да, действительно, бегут проворно; но еще проворней бегут месяцы, особенно если нечем платить за квартиру. Гораций этой заботы не знал, оттого и дух его парил так высоко. А если б он и знал, если б и задолжал месяца за два, то не без основания можно полагать, что Меценат заплатил бы за него. А я вот нынешний день, будучи обязан иметь семь с полтиной, обежал всех учеников своих, пешешествуя по стогнам столицы семо и овамо, от сего конца и до оного и даже до последних пределов, сиречь до вала Камер-коллежского... Семи с полтиной не обрел, ибо ученики мои беднее учителя, и се жду со смиренным сердцем от хозяина поношения и поругания. (Ложится на диван и складывает руки на груди.)

Входит Грунцов, запыхавшись, садится у стола, бросает фуражку и оттирает со лба пот.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Корпелов, Грунцов.

Грунцов (едва переводя дух). Здравствуй, domine![2]

Корпелов. Здравствуй, юноша! Шагал?

Грунцов. Шагал.

Корпелов. Много стадий ?

Грунцов. Шесть верст за заставу, на дачу. Барчонок один за лекции двадцать рублей должен...

Корпелов. Результат?

Грунцов. Nihil. Пристяжную новую покупает, самому нужны. Показывал, в кольцо вьется. велел после приходить.[3]

Корпелов. Ma!e, сиречь – нехорошо. Динарии, юноша, имеешь?

Грунцов. Нет, отче!

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Корпелов. Зело потребны.

Грунцов. Ты бы, domine, прежде сказал. Утру глубоку я забегал к ростовщику, к Мурину, понаведаться, что он за мой хронометр даст.

Корпелов. И тебе, юноша, сребреники понадобились?

Грунцов. Барышне конфеты проспорил, остальные тебе, domine, отдал бы, вот и квит.

Корпелов. Ты, видно, как я же: завелись деньги, так маешься, маешься с ними, тоска возьмет, точно кандалы тяготят, – ходишь, ходишь, по трактирам-то газеты читаешь, пока выдут все. Ну, тогда полегче станет, опять повеселеешь. А вот нужны динарии, так их и нет.

Грунцов. Какая у нас нужда, domine! Вот я нынче видел нужду-то! Прихожу я к Мурину, от него выходит молоденький франтик, в коляску хочет садиться... пара рысаков, тысячи полторы стоят... вышел от Мурина-то, шатается; прислонился у двери, едва дух переводит, – бледный как полотно, губы трясутся, а сам шепчет: «Душит он меня, душит, кровь пьет; зарезу я его». Вот она – нужда-то! в коляске на рысаках ездит, а мы что!

Входит Евгения.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Корпелов, Грунцов, Евгения, потом Маланья.

Евгения (Грунцову). Вы опять пришли?

Грунцов. Да вам-то что за дело? Я не к вам, я к отцу.

Евгения. Конечно, мне все равно, есть ли вы на свете, нет ли вас; только, пожалуйста, не разговаривайте со мной.

Грунцов. Извольте.

Евгения. А когда ж конфеты?

Грунцов молчит.

Что ж вы молчите? Как это учтиво с вашей стороны!

Грунцов. Да ведь вы сами не велели с вами говорить.

Евгения. У вас на все отговорки есть. Только надо вам знать, что благородные люди всегда свое слово держат. Да и я-то глупа, – жду от вас. Вам либо жаль рубля, либо у вас нет его.

Грунцов. Будет и на нашей улице праздник.

Евгения. Когда это?

Грунцов. А вот поеду в Уфу, так вам пять фунтов куплю.

Евгения. Вы давно собираетесь, а все ни с места.

Грунцов. Не заплачьте, барышня.

Евгения. Я-то? Ах, как вы много о себе думаете! Маланья, ставь самовар! Скоро Наташа придет.

Выходит из кухни Маланья и берет со скамейки самовар.

Маланья. А вы прежде спросили бы, вода-то есть ли у нас, а то самовар!

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Корпелов. Аглая, не груби!

Грунцов вынимает из кармана две копейки, показывает Маланье, надевает фуражку, берет со скамейки ведро и уходит. Маланья с самоваром за ним.

Евгения. Грунцов такой спорщик, такой спорщик! Просто сил никаких нет.

Корпелов. Вот он не заспорил, а взял ведро да за водой пошел.

Евгения. Ну, что ж из этого?

Корпелов. Я у него денег попросил, он тоже не заспорил; а хотел часы заложить да заплатить за нас хозяину за квартиру. Ergo, [4] он не спорщик.

Евгения. Может быть, он хороший и добрый человек, только я его не люблю и видеть не могу. (Взглянув в окно.) Хозяин идет. Как чай, так и он тут, и всегда за себя нам гривенник заплатит. Он в кого-нибудь влюблен, либо в меня, либо в Наташу.

Входит Грунцов.

Грунцов. Domine, к тебе хозяин. (Евгении.) Позвольте к вам в комнату войти, барышня, поспорить о чем-нибудь.

Евгения. Войдите, пожалуй; только спорить с вами я ни за что не буду; говорите что хотите, а я буду молчать.

Грунцов. Предмет спора: есть у женщин ум или нет?

Евгения. Ну, уж извините! Разумеется, есть.

Грунцов. А я утверждаю, что нет. У них только каприз, и его-то они за ум и считают.

Евгения и Грунцов уходят. Входит Чепурин.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Корпелов, Чепурин.

Чепурин (кланяясь). Асафу Наумычу... почтение-с. (Подает руку.)

Корпелов. За деньгами? о тиран души моей!

Чепурин. Больше по знакомству-с, а уж кстати и за деньгами, потому срок-с.

Корпелов (нагибаясь). Ты зри главу мою, лишенную волос.

Чепурин. Вижу-с. От ума, говорят, это приключается, у кого ежели лишнего много.

Корпелов. Не трогает тебя?

Чепурин. Не редкость какая! Бывают и еще пространнее.

Корпелов. Ну, хочешь, я тебе вместо денег песенку спою и на гитаре сыграю?

Чепурин. Уж очень дорого мне ваша музыка обойдется-с, не по капиталу.

Корпелов. Ну, хочешь, латинскую или французскую книжку тебе почитаю?

Чепурин. Интересно бы послушать, да только у меня к этим языкам как-то понятливости нет-с.

Корпелов. Ну, нечего с тобой делать, надо отдать.

Чепурин. Пожалуйте-с.

Корпелов. Постой! Я говорю, что надо отдать, а не говорю, что отдам сейчас.

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Денег ни одного абазы нет. Приходи завтра.

Чепурин. Я только удивляюсь на вас: как это вы, при всей вашей учености, всякие вы языки знаете, и никакого себе профиту не имеете.

Корпелов. А оттого я профиту не имею, что от самой юности паче всего возлюбил шатание. Как кончил курс, так и пошел бродить по лицу земному: где у товарищей погостишь, где на дешевеньком учительском месте поживешь. Юношей в гимназии да в университеты готовил рубликов за шестьдесят в год, да из них еще бедной сестренке уделял. В Тамбове год, в Ростове полгода, в Кашине три месяца, а в Ветлугу на недельку погостить хаживал; и прожил я так лет семнадцать, как один день. Товарищи мои до генеральства дослужились, а я выучился только на гитаре играть. С какой котомкой вышел из Москвы, с такой же и вернулся.

Чепурин. Да, тоже, видно, жизнь-то никому не легка, горя-то про всякого довольно.

Корпелов. Ты какое видел?

Чепурин. Лыком подпоясано-с. Я недавно и человеком-то стал, а жить-то начал в лошадиной запряжке. Прежде на этом самом месте пустырь был, забором обнесенный, и калитка на тычке; нанял я подле калитки сажень земли за шесть гривен в год, разбил на тычке лавочку из старого тесу; а товару было у меня: три фунта баранок, десяток селедок двухкопеечных, да привозил я на себе по две бочки воды в день, по копейке ведро продавал-с. Вот какой я негоциант был-с. Потом мало-помалу купил всю эту землю, домик выстроил, – имею в нем овощной магазин, с квартир доход получаю: бельэтаж двести рублей в год ходит-с.

Корпелов. Что ж ты сам в бельэтаже не живешь?

Чепурин. Кабы у меня супруга была-с, так сумел бы и я жить в бельэтаже; а как я холостой, так с меня и темного чулана довольно достаточно-с.

Корпелов. Друже, заведи супругу, сделай милость, заведи!

Чепурин. За этим дело не станет, да надо, чтоб у нее капитал был, хоть небольшой-с; вот как у Натальи Петровны.

Корпелов. А ты почему знаешь, какой у Натальи Петровны капитал?

Чепурин. Слухом земля полнится. У них от маменьки.

Корпелов. Да, да. Вот была женщина-то!

Чепурин. Коли умела деньги оставить, значит ум в себе имела-с.

Корпелов. Оставить! Мало ль кто оставляет. Дело в том, как оставить. Вот слушай! Да нет, уйди лучше, – я плакать буду.

Чепурин. Да, может, и я заплачу-с; это ничего-с.

Корпелов. Уж не помню, где я скитался, кажется в Харькове; только помню, что дело было на святках; загуляли мы у градского головы, – разный народ был: учителя, чиновники из семинаристов, певчие, – уже третий день мы пели душеполезные канты, хозяин сидел на кресле посреди залы, а мы все на стульях у стен, – мы пели, а он дирижировал и плакал. Только что мы затянули «Среди долины ровныя, на гладкой высоте...», тенора залились вверху, хозяин чуть не навзрыд, – вдруг приносят мне от сестры письмо. Читаю: «Милый братец, приезжай скорей, умираю». Хмель с меня соскочил, поплелся я в Москву пешком. Одежка плохая, денег всего три рубля; попадетса обоз, подсяду; замерз было. Дотащился кой-как; сестра при последнем издыхании. «Вот тебе, говорит, дочь! Береги ее, смотри, чтоб она трудилась, работала; честнее труда ничего на свете нет; коли найдешь хорошего человека, выдай ее замуж. Вот тебе деньги, не тратьте их, это мои трудовые; живите трудом, работайте, а денег не трогать ни под каким видом, – это я сберегла ей на приданое. Выйдет замуж, тогда отдай мужу; а не выйдет, пусть бережет под старость, на черный день». Да такой это строгий был приказ, так строго она на меня посмотрела своими умирающими глазами, что у меня и теперь мурашки по спине ползают и слеза меня прошибает.

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Чепурин. Надо вам исполнить-с! Уж это святое дело-с! Только я наслышан, что, кроме этих, еще должны быть деньги.

Корпелов. Разве где-нибудь пятак завалился; а больше нет.

Чепурин. Потому как ваша сестрица жили у богатого барина в экономках...

Корпелов. Ну, бросайся в окно!

Чепурин. Зачем же-с?

Корпелов. У меня силы нет тебя выкинуть, а ты стоишь.

Чепурин. Да я не в осуждение-с.

Корпелов. Вот как это было, *stultissime!*[5] Сестра моя была красавица, выдали ее замуж за горького, несчастного чиновника Сизакова. Маялась с ним, маялась она; года через два и овдовела; осталась с дочерью без копейки, хоть по миру идти. Тут один барин, старый знакомый, и пригласил ее к себе в экономки. Ну, и жила она, точно, покойно; только не нравилась ей эта жизнь. «Скучно, говорит, дела мало, – да без заботы и без горя жить нехорошо, бога забудешь. Жила я с мужем, говорит, выработала себе денег на шерстяной салопчик и сама его сшила, так, веришь ли, как он мне был мил; а потом, говорит, как жила у барина и очень хорошо одевалась, да все немило, только людей стыдно». Потом стал этот барин в старость приходить, оступила его родня, начали на сестру косо поглядывать; не могла она этого перенести, ушла, даже и своего много оставила. После барин не раз звал ее опять к себе – не пошла; денег посылал – не брала.

Чепурин. Теперь вам, значит, только человека найти.

Корпелов. В том вся и задача.

Чепурин. А я полагаю: если вы и найдете, так ничего толку не будет. Получит ваш жених эти деньги, нашьет себе брючек да жилетов, а Наталья Петровна должна из его рук каждую копейку смотреть. Охотников-то на деньги много, да притом же Наталья Петровна в себе красоту имеет.

Корпелов. Как же быть-то? Научи!

Чепурин. Прикажете?

Корпелов. Прикажу.

Чепурин. Отдайте Наталью Петровну за меня, тогда и деньгам место найдется.

Корпелов. Ты... *asinus.*[6]

Чепурин. Мы бы в бельэтаж перешли и завели там мастерскую, и во весь дом над окнами вывеску: «Моды и уборы. Мадам Чепурина». А внизу над окнами тоже во весь дом вывеску: «Индоевропейский магазин китайских чаев и прочих колониальных товаров купца Чепурина».

Корпелов. Ты когда-нибудь на себя глядел в зеркало-то?

Чепурин. Глядел-с, – ничего такого чрезвычайного...

Корпелов. Как ничего чрезвычайного? Да ведь ты Рожер, ужаснейший Рожер; ведь ты мне грубости говоришь, – тебя за это к мировому. Ну, кланяйся в ноги!

Чепурин. За что же-с?

Корпелов. А чтоб я Наташе не сказывал.

Чепурин. Они знают-с, я им даже на письме выражал.

Корпелов. Что ж, она тебя больно?...

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Чепурин. Чего-с?

Корпелов. По физиономии-то больно?

Чепурин. Совсем напротив-с. Очень даже деликатно...

Корпелов. Что деликатно?

Чепурин. Дали понять-с.

Корпелов. Да что?

Чепурин. Что будто я глуп-с.

Входят Грунцов и Евгения.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Корпелов, Чепурин, Грунцов и Евгения.

Евгения (в кухню). Маланья, что ж ты самовар? Скоро ль там у тебя?...

Маланья (из кухни). А как поспеет, так и готово. Все вы там, что ли? Много ли посуды-то собирать?

Евгения. Собирай больше! (Грунцову.) Вы будете чай пить?

Грунцов. Непременно, и прошу вас налить мне как можно послаще, – да еще краюху черного хлеба у Маланьи выпрошу.

Евгения. За что же вам такие особенные милости?

Грунцов. За конфеты.

Евгения. Которых нет.

Грунцов. Которые будут.

Чепурин. Плесните чашечку и мне-с. (Вынимает из портмоне гривенник.) Извольте получить-с!

Евгения. Не надо вашего гривенника, не разбогатеешь на него.

Чепурин. Вы не разбогатеете, да и я не обеднею; а что чего стоит, я заплатить обязан. Кабы счеты, я бы вам как по пальцам разложил. Чай у вас хороший, на мое рыло ползолотника мало-с, кладите на кости полторы копейки; два куска сахару – два золотника, – рафинад нынче в цене: голову купить – двадцать одна с денежкой за фунт, а по фунтам – дороже; извольте класть воду, теперича уголья, услуга, посуда, вы от дела отрываетесь; в расчете – лишнего ничего нет-с. Окромя всего-с, умный разговор от ученых людей и приятная компания. (Садится у письменного стола.)

Корпелов лежит на диване с книгой в руках.

Грунцов (садясь у среднего стола). Пока до чаю, об чем же мы спорить будем с вами, барышня?

Евгения (садясь к столу с другой стороны). Ни об чем и никогда. Я рта не разину.

Грунцов. Я утверждаю, что вы меня завтра поцелуете.

Евгения. Что вы, с ума сошли? С чего вы выдумали?

Грунцов. На фунт конфет!

Евгения. Вы проигранные-то отдайте прежде!

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Грунцов. На фунт конфет!

Евгения. Утешайте, утешайте себя! Так в вашем воображении и останется.

Грунцов. На фунт конфет!

Чепурин. Паре интересное.

Евгения. Ты-то что? Ты не хочешь ли пари поддержать?

Чепурин. Нет-с, я проиграю, потому что от вас не смею надеяться.

Евгения. Да, я знаю, от кого ты надеешься; ты ведь в Наташу влюблен.

Наташа входит и останавливается у двери.

Чепурин. А от них тем более не ожидаю.

Евгения. Почему же тем более?

Чепурин. Сказать-с?

Евгения. Скажи.

Чепурин. Потому что у них есть любовник.

Корпелов. Чепурин, быть тебе нынче битому.

Евгения. Молчи, безобразный! Что ты говоришь!

Наташа входит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Корпелов, Чепурин, Грунцов, Евгения и Наташа.

Наташа. Он правду говорит. Здравствуйте, господа! (Садится у стола между Грунцовым и Евгенией.)

Евгения. Да как же он смеет любовником называть?

Наташа. А как же назвать-то? Конечно, любовник. Чайку бы поскорей, устала; а денег не принесла, дяденька, подождать велели.

Корпелов. Не печалься, денег добудем; у меня есть в запасе старый товарищ, Матвей Потрохов. Богат, как Крез, а главное, сам навязался: «Приходи, говорит, когда нужно будет; мой бумажник всегда открыт для тебя». Надо ему сделать честь, занять у него! А вот ты нас словечком-то ушибла немножко.

Наташа. Каким словечком? Любовник? Что ж, дело очень обыкновенное. Кабы мы были барышни как следует, так об нас и честней бы говорили. Барышни-то как замуж выходят? Придет в дом сваха, запрется с маменькой и шепчутся, потом маменька с папенькой запрутся и шепчутся, потом по всему кварталу шепот пойдет. Все шепчутся, а барышня ничего не знает, сидит в зале и на фортепьянах играет.

Чепурин. Все это так точно-с.

Наташа. Потом снарядят старух разузнавать, каков человек; те всю подноготную выведают. Потом жених станет ездить в дом, благословят образом; а барышне останется только ходить, обнявшись с женихом, да поминутно целоваться. И чем больше народу смотрит на них с улицы, тем лучше.

Чепурин. Все это верно-с. Еще у окон-то соседи подмостки сделают, скамеек из своих домов натаскают да считают, сколько раз поцеловались: «Нынче, говорят, столько, а вчера столько-то»; да спор из этого подымут.

Наташа. А мы с тобой, женечка, должны сами женихов выбирать; а ведь для этого

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
нужно познакомиться, видаться почаще, говорить по душе. Ну вот и пошел разговор,
что любовник. А все дяденька виноват.

Корпелов. Коли не кто другой, так, должно быть, я; надобно же кому-нибудь быть
виноватым.

Наташа. Плохо за нами смотрите, никогда не побраните нас, коли мы ленимся
работать, – позволяете из дому уходить, куда нам угодно.

Чепурин. Это действительно с вашей стороны упущение, и никак нельзя вам за это
чести приписать, потому как вы в доме живете заместо старшего.

Корпелов. То-то и есть, что не старший, а заместо старшего; я и на свете-то живу
не человеком, а заместо человека. Я и на службе-то был заместо кого-то, потому
что служил исправляющим должность помощника младшего сверхштатного учителя
приходского училища. Прослужил я целых три месяца, вышел в отставку и аттестат
два раза терял, и живу теперь по копии с явочного прошения о пропавшем
документе. Признаться вам сказать, друзья мои и сродники, уж начинаю я
сомневаться, сам-то я не копия ли с какого-нибудь пропавшего человека.

Наташа. Вот от вашей оплошности, дяденька, могла бы беда случиться; да на мое
счастье, человек-то вышел хороший. Увидала я его у знакомых у своих и полюбила.
Уж, видно, без этого не обойдешься. Так ли, Женечка, милая? (Целует ее.) Ну, да
важность-то бы небольшая: вздыхала б я издали, а дома когда и поплакала... А вышло
то, чего я и не ожидала, вижу, что и он меня любит. Я, по простоте, сразу:
«Любишь, так женись», – говорю. А он говорит: «Изволь». Да так, вдруг, не
задумавшись. Как хотите, господа, а ведь это очень приятно. Он красивый молодой
человек, очень богат, щеголь, а я что? Бедная девочка, больше ничего.

Евгения. Да это можно умереть от счастья.

Наташа. Ну, я не умерла. Зачем умирать, коли впереди жизнь такая хорошая! Я как
в раю теперь живу. Виделась я с ним почти каждый день, потом он в Саратов по
своим делам уехал; а вот приедет, ну и милости прошу на свадьбу. (Кланяется
всем.) Вот он какой хороший у меня! (Вынимает из портмоне карточку и показывает
Грунцову, потом Корпелову и Чепурину.)

Чепурин (чуть взглянув на карточку). Что ж такое за важность! Знаем-с. Копров
Егор Николаев. Вы говорите, что он в Саратов уехал, а он и сейчас здесь-с.

Наташа (с радостью). Как? Разве вернулся?

Чепурин. И не ездил никуда-с.

Наташа. Шутки в сторону, Иван Федулывч! Я девушка серьезная, и дело мое
серьезное.

Чепурин. Как я смею шутить-с! Вот накажи меня бог!

Наташа. Да как же! он простился со мной, и знакомые его говорят, что он уехал!

Чепурин. Многие думают, что его нет в Москве, потому как он скрывается; а
все-таки его встретить можно, он каждый день в Таганку к купцу к одному богатому
ездит. Да вот извольте посмотреть, не он ли в коляске мимо едет. (Показывает в
окно.) Остановился, с каким-то барином разговаривает.

Наташа (у окна). Егор Николаевич! Егор Николаевич! подождите!

Грунцов (взглянув в окно). Domine, да ведь это он!

Корпелов. Кто он-то?

Грунцов. Тот франт, которого я у Мурина видел.

Наташа надевает платок на голову и хочет идти.

Чепурин. Не бегите-с. Это вам довольно даже стыдно. Ничего из этого хорошего не
будет.

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Евгения. Не твое дело, безобразный!

Наташа. Что за стыд! Я и в огонь и в воду. (Хочет идти.)

Чепурин. Да он-то вас не желает видеть, закрылся воротником и укатил.

Наташа. Как? Неужели? (Взглянув в окно.) Бедная я, несчастная девушка!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ЛИЦА:

Матвей Петрович Потрохов, разбогатевший чиновник, пятидесяти лет; высокий, очень полный мужчина, с круглым лицом, которому он старается придавать, смотря по обстоятельствам, различные выражения, но которое ничего не выражает.

Поликсена Григорьевна, его жена, высокая, худощавая женщина, сорока лет с небольшим. Часто вздыхает и поднимает глаза к небу, стараясь изобразить страдание и покорность судьбе. Выражение лица злое.

Егор Николаевич Копров, молодой человек; очень приличен и красив, одет безукоризненно, манеры изящны.

Корпелов.

Сакердон, лакей Потрохова, важен.

Ариша, горничная, молодая девица, ни хороша, ни дурна.

Старая ключница.

Комната в доме Потрохова. Много изящной и удобной мебели, три двери: одна в глубине – в приемную и две по сторонам. С правой стороны, ближе к авансцене, окно.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Потрохов спит, сидя в кресле; перед ним маленький столик. Поликсена стоит посреди комнаты и смотрит на мужа с презрительным сожалением. Копров входит из приемной.

Поликсена. Жорж! Какой бледный! Что случилось?

Копров (указывая на Потрохова). Спит?

Поликсена. Сном праведника, как всегда. Хоть в трубы труби, не проснется.

Копров. Деньги – вот!... (Показывая на горло.)

Поликсена. Ах, бедненький!

Копров. Хочу у этого моржа попросить. Скоро он проснется?

Поликсена. Не знаю. А вот его фаворитка идет с зельтерской водой.

Копров. Я пойду в сад, подожду, пока он разгуляется, а то он спросонков зол бывает. (Уходя.) Как спит-то, тюлень этакий! (Уходит в дверь направо.)

Поликсена идет за ним и останавливается в дверях. Входит Ариша с большой кружкой.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Потрохов, Ариша, Поликсена (в дверях).

Ариша (трогая за рукав Потрохова). Барин, барин!... Матвей Петрович, вставайте!

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
(Улыбаясь.) Что это, стыд какой!

Потрохов (бормочет впросонках). Который час, который час, который час?

Ариша. Девятый... девять часов скоро... добрые люди поужинали, что, в самом деле! Барыня сердится, чай кушать пора.

Потрохов (впросонках). Зельтерской, зельтерской, зельтерской!

Ариша (наильно дает ему в руку кружку). Да извольте! Не уроните! Уж вторую подаю.

Потрохов (пьет воду). Фу, славно! (Опять приваливается к креслу и засыпает.)

Ариша. Да ведь уж нечего делать, уж как угодно, а вставать надо.

Потрохов (впросонках). Ты думаешь?

Ариша. Да непременно. Что, право, словно маленькие!

Потрохов (открыв глаза). Ах ты жизнёчек! жизнёчек ты мой! (Берет Аришу за подбородок.) Так, маленький жизнёчек!... Вот сейчас я тебя за это поцелую.

Поликсена. Превосходно! Чудо! Bravo! Продолжайте! Вы при мне-то хоть бы посовестились!

Потрохов притворяется спящим и громко храпит.

До чего вы дошли, до чего вы дошли, боже мой! Ариша, поди сейчас отсюда!

Ариша. Сударыня, я не только что... а даже всегда стараюсь быть как можно дальше от всего этого.

Поликсена. Подите, моя милая, говорят вам! За то жалованье, которое вы получаете, от вас требуется только исполнительность; а ласки барину – это уж лишнее, это роскошь с вашей стороны.

Ариша (Потрохову с укором). Как вам не стыдно, сударь! Из-за вас девушка должна такие слова переносить. (Уходит.)

Поликсена. Уж довольно притворяться. Кого вы обманываете? жалкий! как вы струсили!

Потрохов (открывая глаза). Что такое? Что вам нужно от меня?

Поликсена. Что мне нужно? Очень мало: мне нужно, чтоб вы были хоть немного поблагороднее и почестнее. Целовать горничных при жене – это так низко...

Потрохов. У вас из всякой малости выходит важное дело. Это скучно. Что такое особенное произошло? Невольный жест спросонков, и жест весьма естественный.

Поликсена. Естественный? Скажите пожалуйста! хороша естественность!

Потрохов. Ну да, конечно. Вы не можете утверждать, что я хотел приласкать непременно Аришу; может быть, мне спросонков показалось, что вы подле меня.

Поликсена. Ах, ах! Вы меня до обморока доведете. Оскорбление, насмешки...

Потрохов. Я не понимаю, чем оскорбляться. Простой жест, естественный...

Поликсена. Не говорите вздору! Я неглупей вас и не хуже знаю, что естественно, что неестественно. Впрочем, может быть, вы занимаетесь естественными науками, выбрали для изучения особый отдел – горничных, вам нужно войти во все подробности; в таком случае я с вами спорить не стану. Прекрасно, прекрасно. Теперь я знаю вашу специальность и гнушаюсь вами. (Язвительно.) Ес-те-ство-испытатель! (Уходит.)

Потрохов, потом Копров.

Потрохов. Фу ты, какая бешеная баба! (Смотрит на часы.) Эк я... до которых пор... вот угораздило! А впрочем, что и делать-то больше! Тоска... хоть бы зашел кто... Какой нынче день? Да, пятница... Я сегодня Корпелова звал, кажется. Вот еще нужно очень! И зачем это я? Что делаю, что говорю – себя не помню (махнув рукой), нить в жизни потерял... Придет Корпелов, с ним еще скучней будет. Нет ничего тоскливее этих бедных добродетельных людей, этих Диогенов... а еще, пожалуй, денег запросит... Хоть бы в пикет с кем поиграть. С удовольствием бы проиграл пятьдесят рублей, только бы время провести. (Подходит к окну.) Кто это в саду? Егор Копров? (Машет рукой и отходит.) Эка тяжесть, эка тяжесть!

Входит Копров.

Копров. Здравствуй!

Потрохов. Здравствуй, Жорж!

Копров (вглядываясь в Потрохова). Ты бы зельтерской.

Потрохов. Две выпил; да что, братец... (Останавливаясь перед Копровым.) Тоска! Верить ли, какая тоска!

Копров. Дурное пищеварение, спишь много.

Потрохов. Знаю.

Копров. Особенно после обеда тебе не годится.

Потрохов. Знаю, что не годится. Толкуй еще! Все это я знаю; но главная причина тоски моей не в том. (Копров смотрит вопросительно.) Что ты смотришь?

Копров. Да странно мне...

Потрохов. Ничего нет странного. Тут, Жорж, не пищеварение, тут другое: в характере у меня кой-что...

Копров. Нет, что ж, у тебя характер ничего...

Потрохов. Вообще-то говоря, характер у меня хороший, даже очень хороший; но есть, братец, и важные недостатки: иногда делаю черт знает что; говорю чего не следует; вру много лишнего.

Копров. Нельзя сказать, чтоб очень...

Потрохов. Чтоб очень врал-то? Нет, очень, очень... лгу без конца. Не возражай, пожалуйста; видишь, как я расстроен.

Копров. Ну, как хочешь, я спорить не буду.

Потрохов. И не надо мне, и никто меня не заставляет, а болтаю, особенно вот если выпью я рюмочку вина – одну только рюмочку! Кажется, что за важность, а никакого удержу на меня нет... И пошел, и пошел, и вру как сивый мерин. (Копров улыбается.) Что ты смеешься? Что тут веселого? Ты должен войти в мое положение, ведь я, братец, страдаю. Эка тоска!

Копров. Что твоя тоска! Вот у меня тоска-то!

Потрохов (чуть не плача). Раскаяние, Жорж.

Копров. Ну, я этого греха не знаю. Да и у тебя что за раскаяние, понять не могу. Скажешь ты, например, что у тебя овес родится сам-пятнадцать, а он всего сам-друг...

Потрохов. Ну, не сам-друг; ты уж тоже...

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Копров. Ну, извини! Сам-друг с половиной. Так что ж это за преступление? В чем тут раскаиваться?

Потрохов. Хорошо, кабы только, а то хуже гораздо. Вот третьего дня был я у одного старого товарища, выпили шампанского вдоволь, уж чего я там не городил! Ах, вспомнить гадко.

Копров. Все были выпивши; что говорено – забудется, так и пройдет.

Потрохов. Был там один, тоже старый товарищ, лет двадцать мы с ним не видались, учительшка жалкий, Корпелов, в каком-то засаленном пальто.

Копров. Ну, так что же?

Потрохов. Физиономия вроде тех, что в погребках на гитаре играют. Встреться он в другое время и в другом месте, я бы отворотился от него, а уж руки ни за что бы не подал; а тут что я ему говорил, что я ему говорил!

Копров. Стоит сокрушаться.

Потрохов. Да уж очень досадно на себя: с чего было мне так унижаться перед ним, зачем было мне себя ругать! Ведь я что говорил-то! Что он честней нас всех, что нам совестно смотреть ему в глаза, что мы разбогатели не без ущерба для совести. Предлагал за него тосты: «Господа, выпьем за честного человека!» Говорил ему, чтоб он обращался ко мне за деньгами, как в свой карман; звал его в гости, кланялся; просил его даже жить у меня. Скотина я – больше ничего.

Копров. Не бойся, не пойдет, посовеетится; я его знаю.

Потрохов. Да он и то отказывался, говорил, что боится моей жены, что он человек дикий; так я к нему пристал, как с ножом к горлу, честное слово взял.

Копров. А придет, так можно и выпроводить поучтивее.

Потрохов. Да, разумеется, можно; только все как-то скверно на душе. А вот сейчас, спросонков, с чего-то пришло мне в голову Аришу поцеловать, а тут жена...

Копров. А, так вот что! Вот отчего тоска-то!

Потрохов. Не одно это, а все вместе. Конечно, все вздоры; а накопится, знаешь, этих мелочей в душе, ну и вздыхаешь, точно преступник какой, право, точно душу загубил. А вот поговорил я с тобой, Жорж, по-приятельски, излил тебе свою душу, ну и легче мне. (Запеваает.) «Не уезжай...» Разумеется, я не со всяким так откровенен. И отчего бы мне сокрушаться, кажется?... Положение мое блестящее... Это ты прав, желудок тут во всем виноват. Ведь я еще наследство получаю, умер дядя.

Копров. Слышал.

Потрохов. Я единственный наследник, завещания не осталось... Все бумаги его я сам перебирал и запечатывал; да вот уж целых два года при нем никого и не было, кроме меня да старой старухи-ключницы. Она теперь у нас живет.

Копров. А девушка, Наташа?

Потрохов. Дочь экономки? Какие же она права имеет? Ее жалеть нечего! Мать-то, живя у старика, наэкономничала деньжонок, да и после старик посылал, я знаю. У этой девушки тысконок пять-шесть наверное есть.

Копров. Ты думаешь?

Потрохов. Как же иначе! Всегда так бывает.

Копров. Она живет бедно.

Потрохов. Верь ты им! Припрятаны, чтоб разговору не было.

Копров. А я не знал, что у ней есть деньги.

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Потрохов. Ну, так знай.

Копров. Привлекательная девушка, она мне очень нравится.

Потрохов. Это до меня не касается; твое счастье... Да... куш возьму хороший, – одних денег сорок пять тысяч.

Копров (жмет ему руку). Очень рад, любезный друг.

Потрохов. Чему ж ты рад?

Копров. Ты и со мной поделишься... мне, брат, крайность... до зарезу.

Потрохов. Нет уж, кончено!

Копров. Не говори так решительно! Меня в холодный пот бросает.

Потрохов. Не дам. (Запевает.) «Не уезжай...»

Копров. Смотри, жалеть будешь... У меня дело верное, два рубля за рубль отдам.

Потрохов. Нельзя тебе давать. Ты и кирпичи машиной делал, тоже говорил, дело верное; и селедок ловил на Волге, и в провинциях театры содержал, и крахмалом картофельным торговал, и гальванопластику какую-то отливал – все у тебя дело верное; а что вышло? Где наши деньги?

Копров. Помоги теперь, все долги выплачу, тебе первому.

Потрохов. Ни одного гульдена.

Копров. Ты меня топишь; мне хоть в петлю лезть... Эта афера дает мне триста тысяч; мне они нужны...

Потрохов. Кому не нужны!

Копров. Ты человек развитой, современный, ты понимаешь, я думаю, что людям с нашими потребностями меньше трехсот тысяч иметь нельзя. Это, что называется, в обрез; разocchi сам. Иначе жить порядочно нельзя, – жить как-нибудь я не соглашусь ни за что... Ты пожалей меня, мне жить хочется.

Потрохов. Дать тебе денег, так ведь ты прежде всего новую коляску и новую пару лошадей заведешь.

Копров. Заведу: во-первых, у меня изящный вкус, я воспитан хорошо, а во-вторых, так нужно для моего дела.

Потрохов. Для какого?

Копров. Покуда не скажу.

Потрохов. Ну, я подумаю.

Копров. Благодарю тебя.

Входит Поликсена с книгой и садится в кресло.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Потрохов, Копров и Поликсена.

Потрохов. Мне самому теперь чистые деньги пришлось очень кстати. Я хочу переехать на житье в рязанское имение.

Поликсена. Я уж сказала, что не поеду с вами.

Потрохов. Как вам угодно. Заведу машины, все хозяйство в широких размерах, стану сам заниматься агрономией. У меня ведь с детства страсть к агрономии. Оттого я и

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
скачу, что мне здесь не к чему приложить моих рук и способностей.

Поликсена. А как вы думаете? Ведь порядочной женщине с вами жить никак невозможно.

Потрохов. Слышал уж я это.

Поликсена. Мало этого, что слышали.

Потрохов. Что ж мне руки, что ль, на себя наложить прикажете? Я прочел все сочинения, русские и иностранные, об сельском хозяйстве, о химии, был в переписке...

Поликсена. Не слушайте его, Жорж! Ничего он, кроме «Руководства к куроводству», не читает, да и то наполовину не разрезано; ему только хочется меня расстроить. Подите сюда!

Копров подходит.

Посмотрите! (Указывает на одно место в книге.)

Копров (читает). «Вся жизнь ее была непрерывная цепь страданий...»

Поликсена. Это про меня сказано, Жорж, про меня; и моя жизнь есть непрерывная цепь страданий.

Потрохов. А моя жизнь – непрерывная цепь скуки. Пойдем, Жорж, в пикет играть!

Поликсена (Копрову). Я сяду подле вас и принесу вам счастье.

Уходит в боковую дверь налево. Сакердон и Корпелов показываются из приемной и останавливаются у двери.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Сакердон и Корпелов.

Сакердон. Как об вас сказать-то? По видимости, я так полагаю, вы блаженный.

Корпелов. Ошибся ты, друже, я только ищу блаженства.

Сакердон. Ну, само собой. Только вы здесь не найдете.

Корпелов. А где ж искать блаженства? Будь друг, скажи!

Сакердон. И скажу; отчего ж не сказать! У купцов ищите! Вот уж там для вашего сословия действительно рай земной.

Корпелов. Вот спасибо, что сказал; так и знать будем. А теперь доложи поди!

Сакердон. Уж я так и доложу.

Корпелов. Как тебе угодно. Только не забудь: Корпелов.

Сакердон. Уж коли принимать таких, так все одно примут, как вас ни звать.

Корпелов хочет сесть.

Что же это вы?

Корпелов. Устал, братец, из Сокольников пешком шел.

Сакердон. Но, однако, позвольте! На это есть приемная. Здесь господский дом, так нельзя; здесь не дозволено по всем комнатам славить. Пожалуйста! (Провожает Корпелова в приемную, потом подходит к боковой двери и берется за ручку.)

Из двери выходит Поликсена.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Поликсена, Сакердон, потом Корпелов.

Поликсена. Что тебе нужно?

Сакердон. Сударыня, блажен муж пришел.

Поликсена. Какой «блажен муж»?

Сакердон. Которые скитающие.

Поликсена. Не понимаю. Позови!

Сакердон (у двери). Пожалуйте! (Уходит.)

Входит Корпелов.

Поликсена. Кто вы такой ?

Корпелов. Ното sum.[7]

Поликсена. Я вашего жаргона не понимаю.

Корпелов. Аз есмь человек: человек божий, на прочих смертных непохожий.

Поликсена. Да, вижу, что непохожий. Но что же вам угодно?

Корпелов. В гости пришел.

Поликсена. Не ожидала.

Корпелов. Не удивляюсь; потому что не вы меня звали, а stultus.

Поликсена. Какой стультус?

Корпелов. Бывший мой collega, Матвей Потрохов.

Поликсена. Это мой муж.

Корпелов. Охотно вам верю, сударыня.

Поликсена. Еще бы вы не поверили! Что же значит стультус?

Корпелов. Дурак; так мы его величали в гимназии.

Поликсена. Но ведь он теперь уж не в гимназии, он статский советник; вы не забываете этого!

Корпелов. А может быть, он, невзирая на чины, остался верен сам себе.

Поликсена. Ну, уж извините! Разговаривайте с мужем, а я так разговаривать не умею. Матвей Петрович! К вам приятель пришел...

Входит Потрохов.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Корпелов, Поликсена, Потрохов, потом Сакердон.

Потрохов. А, любезнейший друг мой, здравствуй! (В двери.) Хересу нам, мадеры! (Корпелову.) Рому не хочешь ли?

Корпелов. Мне все равно. Что к цели ближе, то и давай.

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Потрохов (громко). Хересу нам, хересу! Да скорей! Стаканчики подайте.

Поликсена (Потрохову). Не делайте таверны из нашего дома! Да вам и нездорово, поберегитесь!

Потрохов. Не расточайте нравоучений, не расточайте напрасно! Вот рекомендую вам: бедный, но благородный друг мой!

Поликсена. Благородный! Вы благородный?

Корпелов. Непременно. Только уж, я думаю, у меня четверть благородия вымерзло.

Поликсена. Вот новости! Каким это образом?

Корпелов. Во время моих зимних, но пеших путешествий между Бежецком, Кашином, Весьегонском и другими городами Российской империи.

Сакердон вносит бутылку и два стаканчика и уходит.

Потрохов (наливая стаканы себе и Корпелову). Выпей-ка, любезный друг!

Корпелов пьет.

Дай-ка я тебе еще ухну. Ведь любишь, что греха таить! (Наливает Корпелову.)

Поликсена. А где Жорж?

Потрохов. Он уехал.

Поликсена. А денег вы дали?

Потрохов. Дал, черт его возьми! Ему бы только попросить, где деньги; а то уж выпросит. Он даже у просвирен ухитряется занимать.

Поликсена. Таким людям нельзя ни в чем отказать, поймите вы!

Потрохов. Уж будто? (наливает стакан Корпелову.) Пей, беднейший друг мой! Вспомним студенческие годы.

Корпелов. А сам-то что отстаешь?

Потрохов. Я догоню. Ах, как он беден! Боже мой, как он беден!

Корпелов. Всякому свое, милый stultus: нам ум, а тебе деньги; к нам люди ходят ума занять, а к тебе – денег. Вот и я пришел тоже за деньгами.

Поликсена. Я так и ожидала.

Корпелов. Нет, кроме шуток; видишь ли, квартиру я нанимаю за семь с полтиной в месяц, так по первым числам затрудняюсь и скорблю.

Потрохов. Ну после, после потолкуем.

Корпелов. Я, брат stultus, долги всегда плачу; я, бывало, в трактире половому рублик задолжаю, так при деньгах рубль-то ему заплачу да рубль на водку дам. Мне верить можно, ты, пожалуйста, не подумай...

Потрохов. Что за разговор, collega! Велики ль деньги! Ты меня обижаешь. (Поликсене.) А как он поет русские песни, простонародные! Вот где натура! Удивление!

Поликсена. Вы поете? Любопытно.

Корпелов. А вы любите русские песни, барыня?

Поликсена. Я люблю все хорошее.

Потрохов. Ну-ка, дружище! Да ты встань, пройдишь!

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Корпелов (поет с проходкой). «Пойду ли я по городу гулять».

Поликсена. Что это? Что за балаган! Ах, нет, увольте! (Уходит.)

Корпелов (продолжает). «Пойду ли я по Бежецкому».

Потрохов. Погоди немного! Вот что, друг любезный: у тебя время-то свободно, так тебе можно плясать, а у меня есть дело; так уж ты меня извини, я займусь немножко. Пляши, пожалуй, вино я тебе оставлю. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Корпелов, потом ключница.

Корпелов. Что ж это значит? Ушли. Вот так любезные хозяева! Ну, я подожду; ведь, может быть, и вправду, дело есть. (Наливает себе вина и пьет.)

Входит ключница.

Ключница (у двери). Ох, ох! Блаженненький, можно с тобой поговорить-то?

Корпелов. Со мной-то? Можно, разговаривай сколько тебе угодно!

Ключница. Грешница я, великая грешница!

Корпелов. А мне-то что за дело!

Ключница. Как что за дело! Я к тебе каяться пришла, а ты говоришь: что за дело!

Корпелов. Каяться? Много тебе лет?

Ключница. Полсема десятка.

Корпелов. А грехов много?

Ключница. Да как тебе сказать, что больше песку морского.

Корпелов. И все это ты будешь мне рассказывать?

Ключница. Все, все, ничего не потаю.

Корпелов. Ведь этак тебя до завтра не переслушаешь, особенно коли ты молодость свою вспомнишь.

Ключница. Ох, вспомню, вспомню.

Корпелов. Нет уж, кайся ты поди кому-нибудь другому!

Ключница. Да благо ты здесь, чего ж мне, малоумный ты человек! Все ж таки мне легче будет, блаженный ты человек, малоразумный ты человек!

Корпелов. Фу! Дай дух перевести! Ну, говори!

Ключница. Вот то-то же, благоразумный ты человек. Алчная я, жадная, до всего завистная, до всякой малости завистная.

Корпелов. Потом?

Ключница. Глаза-то мои никогда сыты не бывают, никогда.

Корпелов. А далее?

Ключница. Всю жизнь собирала, собирала – ничего не собрала; копила, копила – ничего не накопила.

Корпелов. Очень жаль.

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Ключница. Да чего и нажить-то, все дрянь подбирала: огарочки, да гвоздики, да кусочки сахару. А тут вдруг разбогатеть захотела, грех попутал, – покорыстовалась. (Плачет.) Как стал он умирать-то...

Корпелов. Кто он-то?

Ключница. Да известно кто, старый барин.

Корпелов. Жалость какая!

Ключница. Жалость-то жалостью; а позвал он меня и приказывает: «Отдай ты эту коробочку девушке!»

Корпелов. Какой девушке?

Ключница. Известно какой. Да что ты, разве я тебе не сказывала?

Корпелов. Ну, все равно, разговаривай дальше!

Ключница. Вот я и согрешила, грешная, задумала ее утаить. Алчная я, до всего на свете завистная; а бог-то и покарал. Думала, вещи там, золото; разломала я – наместо того бумаги! Может, есть тут и денежные бумаги, да коли именные, так за это, говорят, велик суд бывает; значит, все мне не на пользу. (Показывает пакет и коробочку.) Вот они: и бумаги, и коробочка!

Корпелов. Вижу.

Ключница. Такними ты с меня этот грех,ними!

Корпелов. Многого ты захотела. Как я сниму? Этого я не умею.

Ключница. А ты на свою душу возьми! Вам, малоумным, всякий грех прощается. Вот, на-ка тебе бумаги-то, на! А то умру ведь я скоро. Возьми!

Корпелов. Да на что мне их?

Ключница. Возьми, возьми! Коли увидишь девушку, так отдай ей.

Корпелов. Какую девушку?

Ключница. Да все ту же. А коли не увидишь, куда хочешь день! Ты только возьми, а там уж твое дело, хоть брось. На, на!

Корпелов (берет бумаги и кладет в карман). Ну, давай! Отвяжись только!

Ключница. Вот мне теперь и легче; ровно камень ты с моей души снял. А коробочку не отнимай у меня! Хороша коробочка-то! Сделай милость, не отнимай!

Корпелов. Провались ты и с коробочкой! Надоела ты мне.

Ключница. Ну, вот спасибо! Надо б тебе гривенничек дать, да не взыщи уж! (Кланяется и уходит.)

Входит Сакердон.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Корпелов, Сакердон, потом Потрохов.

Сакердон. Держи руку! (Берет за руку Корпелова и сверху опускает в нее трехрублевую бумажку.)

Корпелов. Quid agis, amicissime? Что делаешь, друже?

Сакердон. Лепта... и чтоб за родителей и за всех сродников...

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Корпелов. За каких сродников?

Сакердон. Разумеется, господа этого не сказали; а уж такой порядок. Выслали деньги – значит, марш! Сами не могут, заняты.

Корпелов. Зачем мне три рубля выслали? И чем занят он?

Сакердон. Известно, не дрова же ему колоть, умственное занятие: гранпасье раскладывает.

Корпелов. Что? Сам карты раскладывает, а товарищу милостыньку высылает! Да я двери выломаю, все окна перебью!

Сакердон. Не шуми! Ты, коли юродствовать, так пойдем в людскую!

Корпелов. Брось ему эти деньги! Я не нищий. (Бросает деньги.) Покажись он мне только!...

Потрохов отворяет дверь.

Потрохов. Что за шум?

Корпелов. А! тебя-то мне и нужно.

Потрохов. Ты здесь еще, мой милый? шел бы ты домой спать.

Корпелов. Пойду, пойду... Что это ты выдумал, *stultissime!* Мне милостыньку высылать, гнать меня! Али ты не знаешь, кто я? Ведь я Корпелов: честный, благородный труженик, а не нищий, не шут. Ты бы за честь должен считать, что старый товарищ, трудящийся человек, не погнушался тобой, глупым лежебоком. Ты за честь должен считать, что я обращался с тобой, как с равным по образованию, что я попросил у тебя одолжения!

Потрохов. Что такое, что такое?

Корпелов. Да, конечно, за честь... потому что я человек, *homo sapiens*, а ты опбек, полувал, юфть!

Потрохов. Ты захмелел, любезный!

Корпелов. Нет, ты захмелел от глупости и от денег, которые тебе даром достались. Ты думаешь, что кто беден, тот и попрошайка, что всякому можно подавать милостыню. Ошибся, милый... Да я... я... я не хочу быть богатым, мне так лучше. Ты вот и с деньгами, да не умел сберечь благородства; а я мерз, зяб, голодал, а все-таки джентльмен перед тобой. Приди ко мне, я и приму тебя учтивее и угощу честней своим трудовым хлебом! А если тебе нужда будет, так последним поделюсь. Прощай. (Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
ЛИЦА:

Корпелов.

Наташа .

Евгения .

Копров .

Грунцов .

Чепурин .

Маланья .

Декорация первого действия.

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Наташа стоит у окна, закрыв глаза платком. Евгения подле нее, Корпелов спит на диване.

Евгения. Как ты страдаешь, бедная! Наташа, Наташа, голубушка, не плачь!

Наташа. Не утешай меня, Женечка, мое горе очень велико. Оставь, пусть я плачу; хуже, как слез не будет.

Евгения. Сядем работать.

Наташа. Да, я стану работать, я много... дни и ночи буду работать; за работой скорей... позабудешь... Мне бы только дня два перемяться, потом мне легче будет... я себя знаю. Вот нынче мне очень уж трудно.

Евгения. Да ты не думай, Наташа, не думай!

Наташа. Ты оставь меня! Милая, я ничего, я одна лучше. (Взглянув в окно.) Что это такое? Не кажется ли мне! Посмотри!

Евгения. Это он.

Наташа. Остановился... кланяется. (Кланяется в окно.) С Маланьей разговаривает... опять кланяется... уехал. Уж не сон ли я вижу! Что она там? Что она не идет?

Маланья входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Корпелов, Наташа, Евгения, Маланья.

Наташа (Маланье). Ну, что, что?

Маланья (таинственно). Проехал.

Наташа. Видели, видели. Что говорил?

Маланья. «Ты, говорит, здешняя?» – «Здешняя», – говорю. «Знаешь Наталью Петровну?» – «Как же, мол, в услужении у них». – «Скажи», – говорит... (Оглядывается по сторонам.)

Наташа. Да ну, ну!

Маланья. «Скажи, говорит, чрез полчаса места заеду».

Наташа. Еще что?

Маланья. Он бы и еще, может, поговорил, да этот косоглазый хозяин подошел, – так и уехал.

Наташа. Что это значит? Как понять? Пойдем, пойдем, надо мне хорошенько подумать.

Евгения. Теперь об чем думать?

Наташа. Нет, Женечка, надо обдумать хорошенько каждое слово; когда любишь, так долго ли ошибиться, увлечься. (Уходит.)

Маланья. Вот он, хозяин-то, уж здесь, должно, опять за деньгами.

Входит Чепурин.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Корпелов, Маланья, Чепурин, потом Грунцов.

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Маланья. Асаф Наумыч, Асаф Наумыч, проснись! Хозяин пришел.

Чепурин. Не трожь! Я подожду.

Маланья. Что ж ему валяться-то! Он уж это второй раз ложится. Асаф Наумыч, вставай! Он вчера на пирушке был в хорошем доме. Ты не смотри, что он такой забвенный; а с ним хорошие люди знакомы. Должно быть, переложил лишнее, вот теперь сном и отходит. Нет-то ничего милее на свете, как этот сон. Асаф Наумыч!

Корпелов. А! Что? Аглая, пощади!

Маланья. Хозяин...

Корпелов. Хозяин? Ну, так я сплю, крепко сплю, – так и скажи ему.

Чепурин. Извольте почивать, я подожду.

Входит Грунцов.

Корпелов. А, он здесь? Ну, так скажи ему, что денег нет и я умер. (Закрывает глаза.) Видишь?

Маланья уходит.

Чепурин. Сохрани бог-с. Плакать заставите!

Грунцов. Деньги есть.

Корпелов. Деньги есть, так я ожил; не плачь, Чепурин.

Грунцов (вынув деньги). Лишнее украшение и с цепочкой у Мурина гостить оставил, целей будут. Принял часы в десяти рублях, а выдал только восемь с полтиной, полтора рубля за сбереженья вычел. Вот тебе, domine, семь с полтиной!

Корпелов. Получай, дому сему владыка!

Чепурин. В расчете-с.

Грунцов. Рубль остался и шевелится, не дает мне покоя. Была у меня мечта угостить тебя, domine, селянкой; а и конфеты еще за мной.

Входит Евгения.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Корпелов, Чепурин, Грунцов, Евгения.

Евгения. Принесли конфеты?

Грунцов. Конфеты будут. (Показывая рублевую бумажку.) Вот он, видите? Трепещет в моей руке, ждет своей участи.

Евгения. Насилу-то. Где это вам бог послал?

Грунцов. Часы еврейскому языку учиться отдал.

Корпелов. Юноша, а ты мечтал о селянке. Мне бы теперь сия снедь была зело полезна: я вчера хересом ошибся. Уж этот херес! Враг он мне: я еще в университете два раза за него в карцере сидел, да и память отшибает совсем.

Грунцов (трагически). Драма в душе моей!

Корпелов. Юноша! изобрази себе в мечтах блестящий чертог Гурина, музыки гром, бежит половой, несет графинчик листовочки, пар от селянки.

Грунцов. Два чувства борются во мне.

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Евгения. Какие это?

Грунцов. Любовь и дружба.

Евгения. Как вы смеете говорить: любовь? Кто вам позволил любить меня?

Грунцов. Я сам себе позволил. Но когда человек обуреваем страстями, он должен призвать на помощь рассудок. Рассудок вот что говорит: у нас с вами есть еще пари на другой фунт конфет, что вы меня сегодня поцелуете; а так как я это пари непременно выиграю, то мы с вами поквитаемся.

Евгения. Как вы смеете! Ах, сил моих нет! Какая уверенность!

Грунцов. С вами мы поквитаемся.

Евгения. Никогда, никогда!

Грунцов. А пока (берет ведро) не сбегать ли за водой для чаю?

Чепурин. И с меня гривенничек получите! (Вынимает портмоне.)

Евгения. Нет, господа, извините, мы теперь чай пить не будем, мы ждем гостя. (Корпелову.) Дяденька, Наташа просит вас, чтоб вы ушли куда-нибудь на полчаса. Она бы и сама вам сказала, да очень расстроена и конфузится.

Корпелов. Хорошо, хорошо, мы сейчас, мы мигом. Пойдем, юноша, селянку есть!

Евгения уходит.

Чепурин (Корпелову). Теперича я вас понял-с.

Корпелов. Ну, что ж я, по-твоему?

Чепурин. Самый ничтожный человек-с!

Корпелов. Что же ты, благодетель мой, ругаешься?

Чепурин. Я вас принимал за ученого человека и всякое уважение и снисхождение вам делал; а теперь вижу, что ни ума, ни образования в вас нет, одно балагурство и даже ко вреду себе и людям.

Корпелов. Ах ты, циклоп одноглазый!

Чепурин. Вас гонят из дому, а вы и рады. Да вы кто же? Хозяин в семействе или нахлебник? Коли вас из-за хлеба, ради шутовства, держат, так вам и цена такая от людей!

Корпелов. Засыпал он меня!

Чепурин. Какой такой гость приедет? Известны вы о нем или нет? Не складней ли будет его гнать, чем самому бежать?

Корпелов. Милый ты мой чухонец, как же я в чужое дело полезу?

Чепурин. Да нешто она вам чужая? Да если и чужой у меня перед глазами тонет, я все-таки за ним в воду полезу.

Корпелов. А коли он лучше нас с тобой?

Чепурин. Так узнайте про него все доподлинно! Я-то его хорошо знаю. Всю Москву обегайте! Да прохладаться-то нечего, сейчас надо за это приняться. Если он точно хороший человек, так пушай ездит, только чтоб не украдкой, а при вас, - это гораздо пристойнее. А если он не стоящий внимания, так возьмите орясину...

Корпелов. Я-то орясину? Да ты погляди на меня!

Чепурин. На своем гнезде всякий силен. А если вы чувствуете себя, что так

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru малодушны, так на то есть хозяин в доме; позовите меня, я из него отбивных котлет изготавлю.

Корпелов. Юноша! Обижают меня!

Грунцов. Нет, он прав; он скиф, но прав.

Чепурин. Чем по трактирам-то бражничать, пойдете лучше со мной, я вам все пути укажу.

Грунцов. Domine, иди! А я в Сокольники сбегая, мне богатое место обещали в отъезд.

Уходят. Входят Наташа и Евгения.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Наташа, Евгения, потом Маланья.

Наташа. Ушли?

Евгения. Ушли.

Наташа. Кажется, здесь все в порядке, все чисто. Бедненько немного, ну да что же делать, пусть в чем застанет, в том и судит.

Евгения. Ведро, самовар... конфузно как-то.

Наташа. Нет, зачем конфузиться! это глупо. Чисто, опрятно, чего ж еще! Мы живем по средствам, трудами; нам и жить лучше нельзя. Он поймет, если у него ум есть. Ну, на какие деньги, на какие доходы мы с тобой можем иметь квартиру хорошую и разодеться по моде? Странно от нас и требовать этого. Бедно, действительно, да откуда ж, Женечка, богатства-то нам взять! Кто посмеет от нас требовать, чтоб у нас богато было! Чисто, опрятно – и довольно. Ты не конфузься, не теряй своего достоинства! Наша бедность – гордость наша! Мы ею гордиться должны. Милая Женечка, мы с тобой хорошие, добрые девушки; что мы бедны – мы не виноваты; забудь эти стены и представь себе, что мы королевны во дворце.

Маланья (таинственно). Едет, едет!

Евгения. Ах, милушка! Наташа!

Наташа. Ну, ты уйди, сначала я с ним одна поговорю.

Евгения уходит. Входит Копров.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Наташа, Копров.

Наташа. Здравствуйте!

Копров (оглянув комнату). Здравствуйте!

Наташа. Садитесь, пожалуйста.

Копров садится.

Давно возвратились?

Копров. Нет, не очень, а впрочем, когда я... (Стараясь вспомнить.)

Наташа. Забыли? Да вы ездили ль куда?

Копров. Нет, не ездил.

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Наташа. Разумеется, признаться лучше. Так вы меня обманули?

Копров. Обманул. Много я народу в это время обманул.

Наташа. Вы меня обманули... Что ж вас привело теперь ко мне, я не понимаю.

Копров. Да будет комедию-то играть, Наташа.

Наташа (привстав). Извините меня, я вам прежнего обращения позволить не могу. Вы меня раз обманули, так уж прежнее все кончено. Что же вам угодно?

Копров. Ничего не угодно. Захотел посмотреть на вас, вот и все.

Наташа. Захотели посмотреть? Это непонятно. Не знаю, как вам, а всем вообще порядочным людям обыкновенно бывает совестно смотреть на тех, кого они обманывают.

Копров. Вы бы лучше меня не принимали; а уж от упреков и наставлений увольте.

Наташа. Да это странно.

Копров. Ничего странного нет. Целый месяц я прятался от людей, от ближних, от вас, ну, даже от света божьего, был как в тюрьме; вот вырвался на волю, и рад-радехонек, что могу опять всех видеть. Все так естественно и просто.

Наташа. Зачем же вы прятались?

Копров. Должен был много.

Наташа. А от меня зачем?

Копров. Чтоб вы не узнали правды. Объяснять вам, как я ошибся в расчетах, как запутались дела мои, как я влез по уши в долги, – это было бы и скучно и едва ли понятно для вас. Вы бы увидели только, что человек, который говорил вам о своем богатстве и обещал вам приятную жизнь, вдруг попался в чем-то, что нынче-завтра у него все опишут и самого посадят в долговое отделение: ну, значит, он виноват, он обманщик. Так обыкновенно судят у нас. Не лучше ль было решиться на разлуку с вами, а тем временем устраивать свои дела, платить долги. Так я и поступил; а уж вы судите меня как хотите.

Наташа. Вы все долги заплатили?

Копров. Нет, еще не все; но уж остались пустяки, которые меня не тяготят. Кроме того, у меня в виду выгодное дело. Ну, что ж, вы сердитесь на меня или нет?

Наташа. Сержусь. Сами согласитесь, нельзя не сердиться, когда обманывают. Я не ангел.

Копров. Да сердиться-то, пожалуй, сердитесь, только не переставайте любить!

Наташа. Любить? Любить можно и не уважая человека и не веря ему... да ведь такая любовь – обида.

Копров. Ну, так жалейте меня!

Наташа. Я все еще не могу убедиться, действительно ли вы стоите сожаления.

Копров. Конечно, стою. Что я перенес в этот месяц, я не могу вспомнить без ужаса. Доставать деньги, когда они нужны до зарезу, – это значит прямо обречь себя на всевозможные адские мучения. Не говорю уж, что я платил процентов два рубля за рубль, я должен был дрожать, трепетать, унижаться, плакать, чуть не в ноги кланяться перед самыми гнусными личностями.

Наташа. Да, это ужасно.

Копров. Я изломался, изуродовал себя нравственно, я готов был на всякие средства, чтоб только достать денег.

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Наташа. Вы прежде имели состояние, имели деньги?

Копров. Имел очень много.

Наташа. Отчего ж вы запутались?

Копров. Оттого, что захотел иметь больше.

Наташа. Зачем же вам больше?

Копров. Затем, что больше – лучше.

Наташа. А потом опять больше, и так далее, где же конец?

Копров. Конца нет. Ведь совершенства тоже нет на земле, а все-таки всякий стремится к нему: умный желает быть умнее, ученый – учение, добродетельный – добродетельнее; ну, а богатый желает быть еще богаче.

Наташа. Зачем же так уж очень много денег?

Копров. Чтоб иметь возможность удовлетворять всем своим потребностям. Потребности неудовлетворенные причиняют страдание, а кто страдает, того нельзя назвать счастливым. Например, у меня синяя коляска и серые лошади, вдруг мне понравится зеленая коляска и вороные лошади... Конечно, я не умру, если не куплю их сейчас же, но все-таки это причинит мне некоторое страдание. И я тогда только сочту себя покойным и счастливым, когда получу возможность иметь во всякое время всякую коляску, какая только мне понравится.

Наташа. Значит, по-вашему, счастлив только очень богатый? Я с вами не согласна; можно быть счастливым и на небольшие, трудовые деньги.

Копров. Ну, я, признаюсь, в трудовом хлебе особенной прелести не вижу. Либо я во вкус не вошел, либо вовсе не рожден быть ремесленником. Конечно, человек может до крайности умалить свои потребности, может приучить себя ко всяким лишениям, довольствоваться только одной коркой хлеба; но для кого ж тогда будут расти ананасы! Потребности животных однообразны: вода, сено, овес и никакого платья; а у людей разнообразны, и чем человек развитее, тем разнообразнее.

Наташа. Такие рассуждения безнравственны.

Копров. Постойте! Когда я вам обещал обеспеченное состояние, удовольствия и даже роскошь, вы не отказывались, не называли такую жизнь безнравственной; так не судите и других. Трудиться хорошо, но ведь тяжело?

Наташа. Да, не легко.

Копров. Обеспеченная жизнь приятнее?

Наташа. Да, но потому только, что в нас мало...

Копров. Почему бы то ни было, а ведь приятнее?

Наташа. Конечно, приятнее.

Копров. Ну, и довольно. Ваши мнения о трудовом хлебе я уважаю, их нельзя и не уважать, и, пожалуйста, не судите обо мне по моим словам; я очень скромно в моих желаниях. Дня через два-три мои волнения и хлопоты кончатся, я буду иметь ровно столько, сколько мне нужно, и ограничусь этим. Теперь, чтоб мое предприятие удалось вполне, мне нужна очень небольшая сумма.

Наташа. Опять занимать?

Копров. А как же иначе? На улице не найдешь.

Наташа. И платить огромные проценты?

Копров. Да уж не помилуют; ростовщики мягкостью сердца не отличаются.

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Наташа. Зачем же у ростовщиков занимать?

Копров. Да у кого же больше? Кто дает деньги, тот и ростовщик. С удовольствием бы я занял у вас, например, да ведь у вас денег нет.

Наташа. Нет, у меня есть деньги.

Копров. Ну, какие деньги! Рублей сто – полтора ста.

Наташа. Гораздо больше.

Копров. Уж и гораздо. А если и есть, так они вам самим нужны.

Наташа. Да, эти деньги заветные.

Копров. Всякие деньги бывают, а заветных я не видал. Покажите, пожалуйста, что за диковина такая.

Наташа. Пожалуй, извольте! (Подходя к двери.) Женечка, поди сюда!

Входит Евгения.

Вот сестра моя Евгения Львовна. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Копров, Евгения.

Копров. Вы любите вашу сестру?

Евгения. Ах, очень, очень, больше всех!

Копров. Не может быть.

Евгения. Как не может быть? Я вас уверяю.

Копров. Да что значит: больше всех? То есть вы ее любите больше, чем все другие?

Евгения. Да.

Копров. Или то, что вы ее любите больше, чем кого-нибудь другого?

Евгения. Тоже да.

Копров. А я думаю, что ни то, ни другое.

Евгения. Почему же так?

Копров. Во-первых, потому, что я люблю ее больше, чем вы.

Евгения. Ну, уж сомневаюсь.

Копров. А во-вторых, потому, что вы любите кого-нибудь больше, чем ее.

Евгения. Это невозможно.

Копров. Много ль вам лет?

Евгения. Двадцать.

Копров. Ну, нечего и толковать. Какой он: брюнет или блондин?

Евгения. Ах, что вы, что вы!

Копров. Барин, чиновник, студент?

Евгения. Да как вы можете?...

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Копров. Ну, студент, непременно студент. Как зовут? Аркадий, Валериан, Виктор?

Евгения. Какой Виктор? Никакого Виктора нет.

Копров. А, так проще: Карп, Сидор?

Евгения. Уж будто непременно каждая девушка...

Копров. Да, непременно.

Евгения. С вами говорить нет никакой возможности.

Копров. Очень можно говорить со мной, надо только быть откровенней.

Входит Наташа.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Копров, Евгения, Наташа.

Наташа (подавая деньги). Вот какие деньги у меня!

Копров. Хорошие деньги, отличные, но почему же они заветные?

Наташа. Их нельзя тратить.

Копров. Как нельзя? вы ошибаетесь. Кто вам сказал? Очень можно.

Наташа. Я не имею права.

Копров. Да ведь это жалость, это неблагоразумно: держать деньги без всякой пользы. Хотите, я вам дам за них двадцать процентов в год?

Наташа. Нельзя, я не могу отдавать их за проценты.

Евгения. Она может отдать их даром.

Наташа. Ах, Женечка, молчи, пожалуйста!

Копров. Что за секреты у вас?

Евгения. Да никаких секретов. Вы сейчас сказали, что любите Наташу.

Наташа. Женечка!

Копров. Да, люблю.

Евгения. Так она может отдать вам эти деньги.

Копров. Объясните, пожалуйста, эту тайну.

Евгения. Да скажи, Наташа, чего ты конфузишься! А то я скажу.

Наташа. Нет уж, оставь. Вот видите ли, это деньги моей маменьки.

Копров. Значит, теперь ваши.

Наташа. Только с условием: я их не могу тратить, а должна отдать...

Евгения. Жениху. Вот вам и все.

Наташа. Да... Вместе с рукой моей.

Копров. Только-то? (Кладет деньги в карман.) Ну, так получите с меня расписку.

Наташа (с изумлением). Как... расписку?...

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Копров. Да, расписку, потому что и жениху глупо отдавать без расписки деньги: мало ль что может случиться.

Наташа. Но, Егор Николаич, говорите ясней!... Ведь жизнь моя... вся жизнь от этого зависит... Мне нужно подумать.

Копров. Думать не нужно, я денег назад не отдам.

Наташа. Я бы желала говорить о таком деле серьезно, мне больно от ваших шуток.

Копров (взглянув на часы). После успеем поговорить и серьезно, время от нас не уйдет.

Наташа. Но прежде, нежели решиться, я бы желала знать всё...

Копров. Что все-то? Ну, вот вам все: я опять богат по-прежнему, жизнь вас ожидает приятная, без трудов, с человеком, который вас любит. Ну что еще? Наташа, не приводи меня в отчаяние!

Евгения. Душечка, Наташа, не думай!

Наташа. И уж этих... обманов не будет больше?...

Копров. Ты меня обижаешь! На, возьми, пожалуйста. (Хочет вынуть из кармана деньги.)

Наташа (берет Копрова за руку). Не надо. (Подумав.) Оставь у себя.

Копров (целует ее руку). Благодарю, моя милая. Расписку я пришлю, а завтра заеду, – мы поговорим хорошенько. Ах, да, забыл! Вот тебе вперед проценты. (Вынимает из бумажника и дает сторублевую бумажку.) Деньги тебе, я думаю, нужны. Ну, прощай, до завтра! (Целует руку.) Прощайте, барышня, поклонитесь от меня своему студенту!

Евгения. Какой студент! Никакого нет студента.

Копров уходит. Наташа его провожает и возвращается.

Наташа (сажаясь). Не могу перевести дух.

Евгения. Ах, Наташа, как это неожиданно!

Наташа. Погоди, у меня кружится голова. Мне кажется, мы сделали что-то не то...

Евгения. Ах, Наташа, да разве это не счастье! Ведь уж кончено.

Наташа. Кончено ли?...

Евгения. Да ведь уж деньги отданы, он взял.

Наташа. Да, взял... Что ж я думаю!... Неужели же...

Евгения. Вот об чем думать-то: надо сшить поскорей платье или два, хорошеньких.

Наташа. Да, да... надо, непременно надо. Я сейчас иду в город, так уж куплю себе и тебе. Дай-ка шляпу и бурнус!

Евгения. Благодарю, милая. (Приносит шляпу и бурнус.)

Наташа уходит. Входит Маланья.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Евгения, Маланья.

Маланья. Вот барина-то сейчас видно, по всему знать. Я и ручку у него поцеловала.

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Евгения. Об чем ты говоришь?

Маланья. Да как же, помилуй, скажи, три рубля... Что я! Я и жалованья-то полтора рубля... Ну-ка! Вот вам давно бы так.

Евгения. Ничего у тебя понять нельзя.

Маланья. Как не понять? Приучили студента; что в нем? А это... одна коляска чего стоит!

Евгения. Он женится на сестре.

Маланья. Уж я знаю, как соседям-то сказать! что меня учить!

Евгения. Не соседям только, а в самом деле женится.

Маланья. Разводи бобы-то!

Евгения. Ну, будет, – поговорила и будет.

Маланья. Уж вы кому другому очки-то вставляйте, а мы и так, слава богу, хорошо видим.

Евгения. Да довольно, довольно.

Входят Корпелов и Чепурин, Маланья уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Евгения, Корпелов, Чепурин.

Корпелов. Проводили гостя?

Евгения. Проводили, дяденька; вы немножко не застали его.

Корпелов. Жалко. (Громко.) Наташа! Где Наташа?

Евгения. Она ушла платья покупать себе (с радостью) и мне.

Чепурин. Защеголяли? На какой радости?

Евгения. Деньги есть, вот и щеголяли. И радость есть.

Корпелов. Ты легковерна, ибо ты женского рода, *feminini generis*.

Евгения. Да ведь Егор Николаич женится.

Корпелов. А, Чепурин! Он женится, а им радость! Какая вам радость, *virgines*, девицы?

Евгения. Дяденька, что с вами? Поймите хорошенько: ведь Наташа выходит за него замуж. Уж это решено, кончено.

Корпелов. Чепурин, понимай ты за меня! Я темен, *obscurus sum*.

Чепурин (Евгении). Однако ловко он петли-то мечет.

Евгения. Да что вы не верите! Ну, так я вам докажу сейчас.

Чепурин. Докажете-с? Очень приятно, мы будем слушать.

Евгения. Ах, это смешно. Да Наташа сама долго отказывалась, я даже удивлялась на нее. Потом уж, когда он объяснил все свои дела, она и согласилась; он и руку у нее целовал, благодарил: ну и все покончили. Он уж теперь жених – как следует, совсем, совсем уж жених; вы кого увидите, всем так и говорите. Уж свадьба скоро, он и деньги взял.

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Корпелов. Какие деньги?

Евгения. Ее деньги, которые ей оставлены, которые жениху...

Чепурин (Корпелову). Дождались! Сберегли приданое! Уж лучше б вам пропить его; по вашей слабости оно простительнее было бы.

Корпелов. А!! Вот он как! Ну, так я с ним, с дружкой... Я его! Я его!

Чепурин. Поздно хватились.

Корпелов. Нет, вырву, вырву: как орел налечу...

Чепурин. И ничего этого не будет от вас.

Корпелов. Молчи, мужик! Ты думаешь, что взять можно только медвежьей силой; я его силой слова, убеждением, я плакать его заставлю.

Чепурин. Не выдет-с.

Корпелов. Я сам заплачу. Я ему нарисую эту картину-то, как умирающая сестра поручала мне дочь свою... Я бога призову во свидетели... Что? Мало ему этого? мало?... Ну, так я... я... я сам буду умирать перед ним... Я умру... умру... и пусть он смотрит на меня, на мое мертвое лицо, на мои мертвые губы, на которых так и застынет проклятие. (Шатается.)

Чепурин (поддерживая Корпелова). Ах, брат, Асаф Наумыч!

Корпелов (отталкивая Чепурина). Поди, оставь! Или ты думаешь, что у меня сил нет? (Выпрямляясь.) Так знай же, что страсть, что отчаяние дают силу. Я лев теперь... лев. Я его!... (Идет к двери.)

Евгения (подавая шляпу). Возьмите, дяденька!

Корпелов (вырвав шляпу). Прочь! Прочь! Сторонитесь! Все сторонитесь! Я его!... я его! (Убегает.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЛИЦА:

Корпелов.

Наташа.

Евгения.

Грунцов.

Чепурин.

Маланья.

Комната Наташи. Две двери: слева от зрителей – в ее спальню; справа – в комнату Корпелова. Швейная машина, пьальцы, круглый стол и несколько стульев.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Евгения (одна).

Евгения (взглянув в дверь направо). Противный хозяин! уселся тут и сидит. Это он дяденьку расстроил. Дяденька слабый человек, всякому верит. Я боюсь, придет Наташа, он и ей наговорит всякого вздору. (Прислушиваясь.) Кто-то пришел, должно быть она. (Отворив дверь.) Она, она, Наташа. Наташа, иди сюда скорей!

Входит Наташа.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Евгения, Наташа.

Наташа (снимая шляпку). Ну, что тебе нужно так скоро? (Весело.) Я уж отдала шить, самим некогда.

Евгения. Ах, Наташа, у нас что-то неладно.

Наташа. Что еще?

Евгения. Дяденька точно с ума сошел, он побежал к Егору Николаичу деньги отнимать. Его хозяин расстроил.

Наташа. Быть не может. Что-нибудь не так. Дядя не имеет права, да и не посмеет распорядиться моей судьбой. Позови сюда Ивана Федулыча!

Евгения. Я боюсь.

Наташа. Чего?

Евгения. Он скажет тебе что-нибудь неприятное.

Наташа. Ну, ну, не бойся, я не маленькая. Позови!

Евгения (у двери). Иван Федулыч, подите сюда! (Уходит в спальню.)

Входит Чепурин.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Наташа, Чепурин.

Наташа. Что у вас тут случилось? Что дядя выдумал? Мало горя, что ль, у меня было, так он прибавить хочет? Куда дядя пошел? Ну, говорите! Что ж вы молчите?

Чепурин. По вашему собственно делу-с.

Наташа. Я его не просила. Прежде, прежде, Иван Федулыч, надо было учить меня разбирать, понимать людей, – остерегать меня от дурных; да только раньше, раньше, а теперь я выбрала, полюбила человека и не променяю его ни на кого.

Чепурин. Да помилуйте, разбой-с!

Наташа. Иван Федулыч, постойте! Выражайтесь осторожнее, имейте побольше деликатности: не говорите при мне дурно о человеке, которого я люблю. Иначе я вас слушать не стану.

Чепурин. Что ж мне хвалить прикажете его!

Наташа. Ни хвалить, ни бранить, а говорить с уважением.

Чепурин. Извольте!

Наташа. Ну, говорите. Дядя узнал про него что-нибудь? Ну, он мот, должен много, игрок, что ли? (С сердцем.) Да ну, говорите скорей!

Чепурин. Всего довольно-с.

Наташа. Ну, так поймите, что дело кончено; хорош ли он, дурен ли – разлучить нас нельзя. Хорошо буду жить – слава богу; дурно – жаловаться не стану, сама выбрала. Мне с ним жить – моя и забота. И горе мое и радости мои, все мое, все вот здесь, у сердца будет; ни с горем, ни с радостью я к людям не пойду. Слышите! никому дела нет, мне с ним жить!

Чепурин. Да не вам-с!

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Наташа. Ну, довольно, Иван Федулыч! вы думаете, что если вы будете бранить, чернить человека, так я его разлюблю и полюблю вас. Ха, ха, ха! Это дурная политика. Он дурной человек, все бранят его; ну, браните его и вы, браните! а я еще больше буду любить его. Надо ж, чтоб и его кто-нибудь любил. Вы вот и хороший человек; вы стоите любви, вы хотите моей любви, да не умели ее заслужить, и я вас... презираю.

Чепурин. Стюю ль я вашей любви, нет ли-с, только мне ее не надо-с. И все ж я человек с душой-с, и чужие слезы мне не на радость.

Наташа. Вы их не увидите.

Чепурин. Минуты не пройдет, как увижу, да еще какие слезы-то увижу. Вот вам бог-с!

Наташа (с испугом). Вот как! (После некоторой борьбы, с притворным спокойствием.) Ну, что там еще?

Чепурин. Лучше б кто другой, а не я говорил вам; кажется бы, бог знает что дал...

Наташа. Пожалуйста, поскорей!

Чепурин. Что я за каторжный такой, что не мог вам никогда сказать ничего приятного и теперь должен убивать вас, все одно что ножом резать.

Наташа. Говорите, Иван Федулыч!

Чепурин. Теперича Копров какую штуку гнет! он все одно как бешеный мечется...

Наташа. Ну!

Чепурин. Чтоб только денег нахватать больше. А деньги бросает зря. Один кабинет, сказывают, без малого десять тысяч ему стоит. В спальне зеркало поставил, сажень с лишком, в серебряной рамке, все кружевами увешано.

Наташа. Только?

Чепурин. Как только-с? Арап теперича на крыльце торчит, белками ворочает, точно у него глаза-то выскочить хотят. К чему пристало?

Наташа. Вам завидно?

Чепурин. Завидуют-то чему основательному, а тут нечему завидовать: ветер так ветром и останется. Утром выедет в эгоистке – жеребец серый, кучер – страсть посмотреть; потом пару вороных в какую-то корзинку заложат, сам править сядет и арапа с собой посадит. А вечером в коляске, либо в карете развалится, а лошади опять другие. Да ведь какое баловство задумал! Подле кабинета контору отдал дубовую резную, книги велел желтые замшевые разложить; на стенах какие-то счеты в рамках, точно в банке в каком.

Наташа. Пожалейте меня! Я жду от вас дела, а вы мне какие-то глупости рассказываете.

Чепурин. Да помилуйте! Балансы подводят, миллионы на счетах выводят, а дела на грош нет. Помилуйте скажите, дутых документов целый ворох навалили да на конторке на шпильках натыкали; а и людей-то таких нет, на кого они писаны. Иностранец какой-то с немецкой конторы сбежал, так все книги ему наобум писал на аглицком языке, чтоб больше туману было, а все это фальшь, все напоказ.

Наташа. Кому напоказ?

Чепурин. А купцу этому из Таганки. Его нынче Копров к себе на обед зазвал, напоит его шампанским и будет ему все это показывать. Выгорит дело, Копров с долгами разочтется; а не выгорит – ну, вешай петлю да полезай в нее, больше некуда деться.

Наташа. Я не понимаю вас. На что ему купец? Чего ждет он от купца?

Чепурин. А вот, видите ли, тут политика какая! Он уж к этому купцу давно ездит, потому у этого купца есть племянница, сиротка, вида сурового, брови пальца в три ширины, ужасно даже, если нечаянно вдруг увидишь, и совсем круглая, как тунба.

Наташа. Ну, ну!

Чепурин. Тут расчет видимый с его стороны: кабы дочь, так зря бы не отдали, разузнали, что за человек; а то племянница, видеть ее все ужасаются, значит, только бы с рук сбить да капитал сдать. А у этой сиротки, у бедной, окромя имениев, чистыми деньгами триста тысяч оставлено на избранника, кто изберется взять за себя такую красоту. Нынче ж и по рукам ударят, коли удастся старика опоить да обмануть.

Наташа (слабым голосом и опуская голову). Да?... Так?... Правда это?

Чепурин (ударяя себя в грудь и поднимая руку к небу). Вот-с! Перед истинным!

Наташа. Подите! Оставьте меня!

Чепурин уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Наташа (одна).

Наташа (вынимает портрет Копрова). На что он мне теперь? (Задумывается.) Пожалуй, можно носить его, всю жизнь носить да смотреть на него; да уж очень обидно будет. (Ставит портрет на стол.) Прощай, Егор Николаич! Прощай, голубчик! Не мой ты, а жаль мне тебя; вдруг тебе не удастся, что с тобой будет? Да нет... удастся... отчего же! А надо будет посмотреть свадьбу-то. В церковь не нужно ходить – нехорошо, можно у церкви подождать их... что в церковь!... Там известно что... Певчие поют... Сводят их, он ей подаст руку в белой перчатке... вот венцы на головах... вот все кончено. Все целуются, все родные стали, чужих нет... Чужая только я... только здесь я одна... Экипажи... экипажи задвигались, блонды всё, блонды ... разъезд. Уедут, уедут! Не бежать ли мне, не броситься ль под колеса кареты? (Взглянув на портрет.) Прощай, Егор Николаич, прощай! Живи с молодой женой! Совет вам да любовь!... Жива я или нет, тебе все равно. Чай, как не жива-то буду, тебе легче будет, (глядя на портрет) буйная ты головушка, хороший ты мой, не встретимся тогда с тобой, не кольнет тебя в сердце-то. Аль ничего тебе? Встретишь меня, так не поклонись, к жене отворишься, будто поговорить с ней нужно? «Что, мол, милая, не проехать ли нам куда подальше?» да кучеру мигнешь, чтоб умчали тебя кони воронные от моих глаз... Ой, смерть моя! (Разрывает портрет.) Не разлучишь вас... да и не родилась я на свет разлучницей... Легче самой умереть... Носить горе, носить горе, пока износится! Как темно, как скучно в этой лачужке. Куда деться? Куда мне деться с тоской! (Уходит в спальню.)

Входит Корпелов.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Корпелов (один).

Корпелов. Я ворочу, я ворочу эти деньги... Вот побегу завтра на толкучку да продам пальтишко, вот и положу Наташе в комод на убылое место рублика полтора. Я по гривенничку наносу, по утрам у церквей буду с нищими становиться. Разве я не похож на нищего? Мне подадут... чем я не нищий?

Дрожанье рук, поблеклые ланиты
И тусклых глаз распухшие орбиты...
Входит Маланья.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Корпелов, Маланья.

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Маланья. Асаф Наумыч, нужны тебе бумаги-то, что ли, так говори!

Корпелов. Ничего мне не нужно. Какие бумаги?

Маланья. А вчера ты хмельненек пришел, так из пальта выронил.

Корпелов. Лжесвидетельствуешь.

Маланья. Толкуй с тобой! Бросил пальто, они и выскочили; я давеча печку растопить хотела, да думаю: может, мол, нужны.

Корпелов. Постой, женщина! Вспоминаю... Старуха каялась мне во грехах...

Маланья. Ну, загородил!

Корпелов. Да, да... и бумаги отдала... Подай сюда!

Маланья. Не трожь, лучше у меня останутся. Право, другой раз ищешь, ищешь растопки-то...

Корпелов. О, Аглая, не возражай!

Маланья. Небось жалко стало? Да на! Не велико сокровище-то. (Отдает пакет и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Корпелов, потом Евгения и Маланья.

Корпелов (развертывает верхнюю обертку и вынимает незапечатанный пакет. Читает надпись). «Сей пакет и все, что в нем находится, принадлежит дочери губернского секретаря, Наталье Петровной Сизаковой». находка, в первый раз в жизни находка! (Вынимает из пакета одно письмо, читает его, руки трясутся, утирает слезы. Кладет письмо и пакет на палец.) Вот оно, вот приданое-то! Наташа! Наташа!

Входит Евгения.

Евгения. Тсс... тише! Что вы, что вы! Уморить ее хотите?

Корпелов. Как? разве?... Наташа моя, Наташа!...

Евгения. Да тише, говорю вам! Дайте ей успокоиться. Она совсем убита, она умирает.

Корпелов. Разве ей сказали?

Евгения. Хозяин все рассказал.

Корпелов. Нет, не все еще.

Евгения. Ну, будет с нее и этого.

Корпелов. Что ж она? плачет?

Евгения. Нет, лежит в белом платье без движения, как мертвая, и в бреду, все какая-то ей свадьба представляется.

Корпелов. В белом платье?

Евгения. Да, надела.

Корпелов. Слово она тебя кличет... Поди, поди к ней!

Евгения уходит в спальню, Корпелов подходит к двери и прислушивается. Евгения входит.

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Корпелов. Ну, что, что?

Евгения. Велела послать к ней Ивана Федулыча и Маланью.

Корпелов. Зачем?

Евгения. Не знаю.

Корпелов. Так позови их скорее!

Евгения (у двери). Иван Федулыч! вас Наташа зовет. Маланья, иди и ты!

Чепурин и Маланья проходят в комнату Наташи. Маланья сейчас же возвращается.

Маланья (в дверях). Хорошо! Я мигом, далеко ль тут, лавочка-то внизу.

Корпелов. Куда ты ?

Маланья. Не твое дело. Не до тебя нам. (Уходит.)

Евгения. Должно быть, чайку захотела.

Корпелов. Видно, ей полегче.

Евгения. Не знаю. Встала, сидит. Вот только белое платье меня очень пугает. Зачем это оно?

Корпелов. А что ж белое платье?

Евгения. Есть у нее белое кисейное платье. Никогда она его не надевала; а вот, если болезнь какая ходит по Москве, так она его вынет и гладит. Коли, говорит, умру, так положите меня в нем. Мы хоть бедные девушки, а все ж нужно, чтобы было прилично; чтоб, если кто войдет в церковь, видел бы, что девушку хоронят. А сама гладит да все бантики, все оборочки раздувает, чтоб пышней было. Складки расправит, да и говорит: «Ты вот тогда на мне также складочки расправь».

Корпелов. У меня есть радость для нее; но я боюсь: эта радость может и оживить и убить ее.

Входит Маланья и накрывает стол салфеткой.

Евгения. Что ты делаешь?

Маланья. Приказали, так и делаю. (Выносит сначала на подносе хлеб и закуску, потом вино и рюмки. Корпелову.) Вот попотчуют тебя, так ты пить будешь, небось не откажешься. (В дверях спальни.) Готово; а за батюшкой сейчас схожу. (Уходит.)

Входит Грунцов.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Корпелов, Евгения, Грунцов, потом Наташа и Чепурин.

Грунцов. Что у вас тут такое?

Корпелов. Не знаю, юноша; что-то на похороны похоже.

Выходит Наташа, она едва держится на ногах, ее поддерживает за руку Чепурин.

Наташа (становясь на колени). Дяденька, благословите нас на трудовую жизнь!

Корпелов. Нет, нет, не мне, не этим рукам благословлять тебя, дитя мое! (Поднимает Наташу.) Вот, вот тебе вместо благословения; находка, золотая находка. (Берет с пялец письмо и отдает Наташе.) Прочти, что писала твоя мать одному богатому барину!

Наташа (читает). «Благодарю вас за участие, но вы меня оскорбляете, присылая мне

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru деньги. Посылаю вам их обратно. Пока я жива, я не приму от вас денег. Дочери моей останется немного, но ей и не надо многого; она привыкла жить трудом и должна жить трудом, если захочет исполнить завет умирающей матери. Я умираю, вы меня переживете, прошу вас уважить мою волю, не помогайте Наташе, пусть она даровых денег не знает. Разве уж (простите меня, матери слабы) вы узнаете, что она в своей честной, трудовой жизни мало знает радостей, не видит светлых дней, так пошлите ей какую-нибудь безделицу на обновку, на сладкий кусочек, на дешевенькие удовольствия. Пошлите потихоньку и напишите, что это мать посылает ей вместе с благословением из-за гроба». (Обнимая Корпелова.) Благодарю вас, благодарю вас. Я думала, что мне и не пережить горя; а вот слышу слова матери, и у меня в душе радость и счастье. Вот я и богата.

Корпелов. Вот и деньжонки есть, только немного, как завещано, – сторублевый билет. (Отдавая пакет Наташе.)

Наташа. Отдайте Ивану Федулычу. (Читает про себя письмо и плачет.)

Чепурин. Что ни есть, все наше будет-с.

Корпелов. Получай, брат! (Отдает пакет.)

Чепурин. Покорнейше благодарю-с. Не велики деньги, а все на черный день годятся. Так мы их и беречь будем. (Заметив плачущую Наташу, берет у нее письмо.) Не читайте, не утруждайте себя! На все время будет. Извольте сесть, успокоиться.

Грунцов. Поздравляю, Иван Федулыч.

Чепурин. Еще погодите поздравлять, вот батюшка благословит, тогда честь честью-с.

Грунцов. Да я тебя с деньгами поздравляю, ты уж их в карман положил. Я сам разбогател. (Вынимая деньги и показывая.) Сроду столько денег не видывал.

Корпелов. Запродался?

Грунцов. Закабалился.

Корпелов. Далеко ли?

Грунцов. В Уфу. Задаток взял, завтра ехать.

Евгения (подбегая). Что вы говорите? Завтра ехать?

Грунцов. Да, барышня, в Уфу. Прощаться пришел с милыми друзьями.

Евгения (с испугом). Да как же это можно? Что вы делаете!

Грунцов. А что ж, барышня, не с кем вам спорить будет?

Евгения. Да нет, нет, что за споры! Разве я серьезно!

Грунцов. Должен-то я вам, так заплачу.

Евгения. Какой долг, что вы!

Грунцов. А два фунта конфет... Первое пари проиграл и второе...

Евгения. А второе выиграли.

Грунцов. Как выиграл?

Евгения. А вот как! (Целует его.) Ну, и квиты.

Корпелов. Ого, барышня! Optime! [8]

Евгения. Только это нехорошо... Так не делают. Бог с вами. (Плачет.) Ну, на что похоже, скажите, пожалуйста... завтра... вдруг завтра... (Берет Грунцова за руку.) Я вас не пущу.

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Грунцов. Ну, так вот что, барышня! Я поеду в Уфу, там мне обещали место в гимназии; если прочно устроюсь, так приеду в Москву на святки, а из Москвы-то назад, пожалуй, уж вместе поедem. По рукам?

Евгения. Уж теперь не заспорю.

Корпелов. Юноша! ты Крез теперь, – значит, кутим.

Грунцов. Всенепременно. Мне чтоб только на дорогу в обрез осталось. Я фунтов пять конфет принес да три бутылки шампанского, все это у Маланьи находится.

Чепурин. Это оченно кстати-с. Мы сейчас вытребуем. (Корпелову.) Только позвольте спросить... конечно, само собой, я отчета требовать не смею, а все-таки интересно, как насчет тех денег-с?

Корпелов (указывая на Наташу). Молчи, молчи, что ты!

Наташа. Не бойтесь, говорите, я уж теперь покойна.

Корпелов. Ведь какой глупый человек-то! Плутовал, плутовал, да концов-то схоронить и не умел. Зазвал купца обедать, а тут и незваные гости явились. Документики какие-то фальшивые состряпал, его и накрыли. Ну, уж попался, так и терпи. А он, глупый, что же выдумал: побежал в кабинет, дверь на ключ да хлоп из револьвера. Хвать-похвать – денег никаких, одна только записка на конторке: «Без денег, мол, мне жить на свете незачем». Какой глупый-то! Да разве жизнь-то мила только деньгами, разве только и радости, что в деньгах? А птичка-то поет – чему она рада, деньгам, что ли? Нет, тому она рада, что на свете живет. Сама жизнь-то есть радость, всякая жизнь – и бедная, и горькая – все радость. Озяб, да согрелся – вот и радость. Голоден, да накормили – вот и радость. Вот я теперь бедную племянницу замуж отдаю, на бедной свадьбе пировать буду, – разве это не радость! Потом пойду по белу свету бродить, от города до города, по морозцу, по курным избам ночевать... (Поет и пляшет.)

Пойду ли я по городу гулять,
Пойду ли я по Бежецкому.
Куплю ли я покупку себе.
Чепурин (налив в рюмки вина). Пожалуйте-с.

Корпелов. Давай выпьем. Юноша, иди! (Грунцов подходит.) Погодите! Чепурин! становись с нами в ряд! (Чепурин подходит.) Вот так! (Запевает.)

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus![9]
1874

1
Довольно! (лат.)

2
Dominus – господин (лат.)

3
Ничто (лат.)

4
Следовательно (лат.)

5
превосходная степень от stultus: глупец, дурак (лат.)

6
осел (лат.)

Трудовой хлеб. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

7

Человек я (лат.)

8

Превосходно, отлично! (лат.)

9 Так будем же радоваться, пока мы молоды! (лат.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://ostrovskyaalexander.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!